
ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 81.13

*М.С. Балалаева**

ОБЩАЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ В ИССЛЕДОВАНИИ ЯЗЫКА. ЛИНГВОФИЛОСОФСКИЙ ВЗГЛЯД

Статья посвящена вопросам лингвистики и философии языка. Описаны положения традиционной лингвистики и новейшие теоретические идеи. Рассматривая ряд лингвистических идей и понятий, представленных в работе, автор обращается к истории лингвистики.

Ключевые слова: лингвистика, язык, философия языка, символизм, философия, языковые семьи, сравнительная грамматика.

Лингвистика сама по себе определяется термином «научное исследование языка», которое предусматривает задействование объективных методов, а также методов, которые поддаются эмпирической проверке. В их основе лежит общая теория языковой структуры.

Молодой лингвист может начать изучение науки с истории лингвистики. Не зная истории возникновения лингвистических идей и понятий, сложно их воспринять. Это касается не только тех понятий, которые знакомы со школьной скамьи, но и тех, которые продиктованы логикой. По словам Л. Блумфилда, кажущийся здравый смысл, задействованный во время рассмотрения языковых фактов, «как и многое другое, что выдается за здравый смысл, восходит в итоге к теориям античных и средневековых философов». Убеждение, что все языки имеют одинаковые части речи, является примером подхода к языку с точки зрения «здорового смысла».

В традиционной грамматике значения различных частей речи взяты из теорий античных и средневековых философов, которые, в свою очередь, делали попытки сплотить категории грамматики, логики, а также метафизики. Иные понятия, столь же распространенные, возникли не из философских рассуждений, а вследствие употребления грамматики с целью истолковать письменные тексты, особенно классические произведения греческих и латинских авторов [1, с. 22–29]. Имея в своей основе фундамент, заложенный в далеком прошлом, история лингвистики способствует ликвидации неверных представлений о языке. Она не согласна и даже отрицает традици-

* © Балалаева М.С., 2013

Балалаева Мария Сергеевна (colibrilolita@mail.ru), кафедра иностранных языков Самарского филиала Московского городского педагогического университета, 443081, Российская Федерация, г. Самара, ул. Стара-Загора, 76.

онные теории, внедряя их соответственно новым идеям. Следовательно, как и в других науках, в ней присутствуют положительные примеры правильных догадок о языке, которые заложили основы современной лингвистики, и отрицательные, основанные на ошибочных представлениях.

Ряд противоречий и неясностей, встречающихся при изучении ранней истории лингвистики, объясняется в первую очередь утратой древних источников. Тем не менее то, что сохранилось к настоящему моменту, дает возможность проследить, как развивается учение о языке от Платона и софистов вплоть до средневековых схоластов, и демонстрирует, что этот исторический период подарил миру многих оригинальных грамматистов. Однако на данный момент нельзя отыскать универсального пособия по истории традиционной грамматики.

Как и многие другие науки, традиционная грамматика возникла в Древней Греции в V в. до н. э. и относилась к философии, составляя часть как общего исследования сущности окружающего мира, так и общественных институтов. Первоочередной задачей греческой философии являлось определение того, как устроен язык.

Существовало два подхода к решению данной дилеммы. Некоторые древнегреческие умы были уверены, что язык устроен «по природе», другие склонялись к тому, что в основе языка лежит обычай. Вообще антиномия «по природе» vs. «по обычаю» находилась на лидирующей позиции в размышлениях греческих философов. Явления, сущность которых, вечная и постоянная, находится вне человека, считались устроенными по природе, а те, что приняты в силу конкретных обычаев и традиций, иными словами, посредством данного соглашения («социального договора») между индивидуумами, – по обычаю [2, с. 45–50].

Разногласие двух подходов было сведено к вопросу о том, существует ли необходимая связь значения и формы слова. Наравне с приверженцами «природного» взгляда на язык Кратил считал, что каждое слово по природе соответствует конкретной вещи. И хотя данная связь не всегда вероятна, ее может выявить философ, способный увидеть суть. Благодаря таким размышлениям были выявлены первые этимологические фразы. А термин «этимология», появившийся от греческой основы *etymo* – «истинный», «реальный», подтверждает не полностью свое философское происхождение. Установить природу слова, а следовательно, и его «истинное» значение значило раскрыть одну из природных истин [1, с. 18–23].

Нельзя было отрицать наличие всевозможных вариантов «природной», естественной взаимосвязи между значением слова и его формой. Например, такие слова, как «бренчать», «ухать», «мычать», «блеять», «мяукать», подражают звукам и в той или иной степени характерны для обозначаемых явлений, относящихся к единой группе. Те же слова, которые имитируют конкретные звуки, но обозначают не сам звук, а его источник, например «кукушка», составляют другую группу, родственную первой. В обоих случаях между материальной оболочкой слова и обозначаемым явлением или предметом имеется явная природная взаимосвязь. Выделяемые в этих двух группах слова называются оноματοпоэтическими – от греч. *onomatopoeia*, означающего «создание имен». В связи с этим понятием подбирались те слова, которые подражают звукам. Это отражает взгляд сторонников «природной» школы (в первую очередь философов-стоиков), согласно которому язык развился из звукоподражательных слов.

Связь между словом и его значением являет собой «наименование», а слова первоначально имитировали обозначаемые предметы. Оноματοпоэтические слова являлись ядром словаря. Так или иначе, оноματοпоэтических слов относительно немного. Изначально характер других слов сопоставлялся с отдельными звуками, которые входили в их состав [1, с. 21–24]. Эти звуки выражали свойства предметов или явлений. Делились они на «мужественные», «нежные», «резкие», «жидкие» и т. п. Согласно

данному положению, считалось, например, что звук «р» является резким, поэтому в словах «рог», «рвать», «резать», «рубить», «рать», он («по природе») мотивируется их значениями. Современная лингвистика трактует такую взаимосвязь между звуковой оболочкой слова и его значением как звуковой символизм [3, с. 32–36].

Звукоподражание и звуковой символизм были не в силах объяснить появление многих слов, что понимали греческие этимологи. Для таких случаев применялись разнообразные приемы, способствующие выводу одних слов из других или соотношению слов друг с другом. Подобные приемы делятся на два базовых типа. В первом присутствует установление «природной» взаимосвязи употребления слова в прямом и переносном значении, например: «нос корабля», «спинка кресла», «ножка стула», «горлышко бутылки» и т. п. Здесь мы видим пример метафоры. Подобно многим другим терминам, введенным древними греками, термин «метафора» проник в традиционную грамматику и стилистику. Примеры второго типа включают в себя попытки толкования формы одного слова путем прибавления, усечения, подмены, перестановки звуков в других, схожих по значению слова. К этому приему обращались сторонники природного взгляда на язык, оправдывая идею о выводимости всех слов языка из первоначальной подборки слов природного происхождения.

Рассуждения о правильности имен доминировали над другими идеями о формировании языка, а также об отношении формы и значения слов. Данные рассуждения имели смысл для развития грамматической теории, так как послужили почвой для этимологических исследований отношений между словами. Они направили грамматические исследования по пути общефилософского познания мира и затем переросли в спор о регулярности языка. В древнегреческом языке наравне с английским или русским (притом что изменения множества слов подвластны регулярным правилам, или моделям) имеются всевозможные исключения. Примером такого правила в русском языке может выступить следующий ряд: «столб — столбы», «стол — столы», «мост — мосты» и т. п. И это не единственный случай регулярности в языке, разбиравшийся основоположниками традиционной грамматики. Регулярность и нерегулярность в данном смысле обозначались терминами «аналогия» и «аномалия».

Аналогисты считали язык регулярным в своей основе, сторонники противоположного взгляда назывались аномалистами. Точку зрения аналогистов разделяли Платон, Аристотель и их последователи в различных науках. На базе соотношения, например, «стол — столы» можно по аналогии образовать ряд словоформ, таких как «мост — мосты», «столб — столбы» и т. п.

Своей главной целью аналогисты считали распознавание моделей, благодаря которым возможна классификация слов (традиционный термин «парадигма» — это греческое слово со значением «модель», «образец», «пример»). Аномалистами не отрицалось наличие определенных регулярностей в формировании слов, они указывали на всевозможные примеры нерегулярных словоформ, для пояснения которых размышления по аналогии негодны («ребенок — дети», «человек — люди» и т. п.), а также на возможные случаи формирования по аналогии для слов одного и того же класса (что свойственно греческому и латыни) [4, с. 41–45].

Аномалисты обращали пристальное внимание на отношение формы и значения слова, которое нередко является «аномальным». Например, наименования городов Фивы и Афины обозначают один город, но при этом имеют форму множественного числа; греческое слово *paidion* «ребенок» относится к среднему роду, а обозначает людей мужского или женского пола (таких несоответствий немало в разных языках: по-немецки *Kind* (ребенок) — среднего рода, по-русски «ребенок» — мужского рода, «дитя» — среднего). Еще одним типом несоответствий считаются явления синонимии (наличие у двух или более слов одного и того же значения) и омонимии (наличие для

двух или более значений одной и той же формы). Аномалисты были уверены, что если язык на самом деле устроен по обычаю, то в нем не должны присутствовать подобные «нерегулярности». Они полагали, что язык устроен по природе, но частично может быть описан путем аналогии. Следовательно, пристальное внимание нужно уделять употреблению языка – независимо от того, регулярны ли различные факты его использования [1, с. 12–18].

Неразрешимость спора в Древней Греции объясняется тем, что греки не имели представления о различиях описательной и нормативной грамматики, т. е. о различиях между описанием того, что говорится на самом деле, и предписанием, как нужно говорить. Таким образом, аналогисты скорее исправили бы явные аномалии, с которыми они сталкивались, чем изменили бы собственные понятия о природе языка. Иная причина, сделавшая спор аналогистов и аномалистов неразрешимым, кроется в способе описания, при котором явление может стать как регулярным, так и нерегулярным. Любые рассуждения о регулярности языка упираются в один вопрос: что есть «регулярная модель»? Разногласия аномалистов и аналогистов сводятся к тому, в какой мере нерегулярности можно описать с помощью противоположных моделей и что есть регулярность в языке.

Историческое содержание спора аналогистов и аномалистов раскрыто не в полной мере. О стадии его становления можно судить лишь по отрывкам, цитатам и заметкам более поздних авторов (например, римского грамматиста Варрона – I в. до н. э.), которые искажали или преувеличивали разногласия обеих сторон. Тем не менее они соглашались с наличием определенных регулярностей в языке и внесли вклад в систематизацию грамматики. Очевидно, что основы традиционной грамматики закладывались этимологическими поисками аномалистов-стоиков, а также небезучастными аналогистами-александрийцами. Расхождение школы стоиков и школы александрийцев заключается в расхождении целей, которые они ставили перед собой. Стоиков занимали в основном философская проблема появления языка, а также риторика и логика, а александрийцы проводили литературные исследования. В случае отсутствия конкретного факта в уцелевших литературных текстах прошлых лет александрийские ученые применяли аналогию, чтобы восполнить его.

Последующие грамматисты, которые упорядочили предыдущие грамматические учения и создали таким образом традиционную грамматику, подтверждали аналогию и аномалию в языке. Задачу аналогии и аномалии не удалось разрешить, так как при стремлении опознать регулярности в языке исследователь неоднократно сталкивался с альтернативными методами обозначения, задаваясь вопросом, к какому из данных способов прибегнуть. Несмотря на успехи современной лингвистики, данный вопрос до конца не был разрешен, разногласия аналогистов и аномалистов не сняты с повестки.

Исследование истории грамматики предполагает изучение основных средств грамматического анализа, предоставленных греческими учеными, чтобы описать свой язык. Даже неглубокое ознакомление с историей древнегреческого учения о языке указывает на то, что система анализа, принятая в обычных грамматиках греческого языка, была неоднозначной. На ее разработку ушло почти шестьсот лет (с IV в. до н. э. по II в. н. э.). Кроме того, метод описания, известный в качестве канонической грамматики греческого языка, не есть универсальный.

Протагор, один из ранних и значимых софистов (V в. до н.э.), стал первым, кто выделил три рода в греческом языке. Платону (429–347 гг. до н. э.) приписывают выделение существительных и глаголов, однако они не совпадают с классами слов, называемыми существительными и глаголами, в более поздних взглядах на лингвистику, на которые полагаются школьные грамматики наших дней. Платон полагал, что существительными являются слова, способные выступить в предложении в качестве

субъектов предикации, а глаголы — слова, выражающие предизируемое действие или свойство.

Принимая во внимание вышесказанное, отметим, что данное определение базовых грамматических классов — существительных и глаголов — опирается на исключительно логические основания: существительное и глагол утверждены в качестве составных частей суждения. По данному определению к классу глаголов относятся слова, называемые глаголами и прилагательными. Греческие грамматисты последующего периода, отрицая классификацию Платона, заменили трехчленную систему «глагол — существительное — прилагательное», принятую в наши дни, на двухчленную, в которой существительные и прилагательные объединены одним классом, а слова, не принадлежащие к основным классам, мало учитывались [5, с. 48–54].

Мнение Платона, согласно которому в языке разграничивали существительные и глаголы, разделял Аристотель (384–322 гг. до н. э.). Но он добавил к имеющимся третий класс — союзы — те слова, которые не вошли в два базовых класса. Еще он позаимствовал у предшественников систему трех родов, а также обратил внимание на названия неодушевленных предметов (= вещей), которые Протагор относил к третьему роду. В греческом названия неодушевленных предметов относились к мужскому или женскому роду. Поэтому третий род он назвал «промежуточный» (затем класс существительных, которые не относились ни к женскому, ни к мужскому роду, он назвал «никаким» родом, а латинская интерпретация дала используемое в традиционной грамматике название «средний род»). Аристотель открыл категорию времени у глагола: он отметил, что одни формы глагола можно сопоставить с настоящим временем, другие — с прошедшим. Хотя учение Аристотеля понятнее и доступнее, чем учение Платона, раздел, относящийся ко времени глагола, содержит много неопределенного [6, с. 63–67]. Из всех школ греческой философии колоссальное внимание языку уделяли стоики, что можно объяснить совокупностью их концепции, согласно которой человеческая жизнь должна протекать в гармонии с природой, а знание — это соотнесение человеческих мыслей с реальными «вещами» в природе; человеческие мысли есть образы «вещей» (во всяком случае должны быть такими). У стоиков язык занимал лидирующую позицию в философии, особенно в так называемой логике, включающей грамматику, а также риторику и эпистемологию. Наряду с первыми и более существенными достижениями стоиков большое значение имело противопоставление формы («того, что обозначает») и значения («того, что обозначается»). Для стоиков язык не являлся прямым отражением природы. В большинстве своем они были аномалистами и отрицали прямое соотношение между словами и «вещами», полагаясь на языковые иррациональности. Стоики раннего периода разграничивали четыре части речи (существительное, глагол, союз и артикль). Затем класс существительных был разделен на два подкласса — нарицательные и собственные. Прилагательные являлись классами существительных. Категорию, названную «словоизменение» (что означает взаимоотношение таких словоформ, как «boy — boys» или «sing — sang — sung»), внедрили и укоренили стоики.

Они же наделили понятие падежа тем смыслом, который затем перекочевал в традиционные грамматики, выявили «прямой» падеж (=именительный) и «косвенные», которые они считали отклонениями от прямого падежа. Стоики поняли, что для греческого глагола кроме времени необходимо также выделить категорию завершенности и незавершенности действия. Еще они разграничивали формы действительного и страдательного залога в глаголе. Глаголы подразделялись на переходные и непереходные. Александрийские грамматики продолжили развивать базовые идеи стоиков. Именно в Александрии появилось учение, которое впоследствии стало называться традиционной грамматикой греческого языка [1, с. 24].

В отличие от многих стоиков александрийские философы были аналогистами. За счет их исследований регулярностей в языке выделили типы (модели) словоизменения. Самой первой завершенной систематической грамматикой на западе стала грамматика Дионисия Фракийского (конец II в. до н. э.). В дополнение к четырем частям речи, которые различали стоики, он выявил наречие, причастие (названное из-за «причастности» к глагольным и именным характеристикам), местоимение и предлог. Греческие слова описывались категориями падежа, рода, числа, времени, залога, наклонения и т. п. В своей грамматике Дионисий Фракийский не разбирает принципов синтаксиса, в соответствии с которыми слова связываются в предложении. Описание синтаксиса греческого языка сделал триста лет спустя Аполлоний Дискол (II в. н. э.), и по систематичности оно проигрывает грамматике Дионисия Фракийского.

Изучив грамматическое учение в Древней Греции, нужно рассмотреть работы латинских грамматистов, удостоившихся большого внимания. Доподлинно известно, что в каждой из областей наук, в искусстве и литературе на римлян сильное влияние оказывала греческая культура. С начала II в. до н. э. римская знать многое заимствовала из греческой культуры, а также из системы образования. Их дети учились читать, писать и говорить по-латыни и по-гречески, оканчивали обучение в крупных греческих центрах риторики и философии. А потому совершенно очевидно, что латинские грамматисты практически целиком приняли греческие стандарты. Воздействие александрийцев и стоиков улавливается в трудах Варрона (I в. до н. э.), относящихся к латинскому языку.

Как в Греции, так и в Риме грамматическое учение было подвластно философии, литературе и риторике. Не заканчивались разногласия об аналогии и аномалии. Данный вопрос наравне с остальными грамматическими вопросами греческого учения рассматривался не только грамматистами. Свидетельством тому является грамматический трактат Юлия Цезаря «Об аналогии», посвященный Цицерону.

Римские грамматисты придерживались греческих образцов как в общем отношении к языку, так и в частности. Латинская грамматика наряду с грамматикой Дионисия Фракийского имела три части. Первая часть определялась как искусство правильной речи и понимания поэзии, разбор букв и слогов. Во второй разбирались части речи, изучалась их трансформация по временам, родам, числам, падежам и т. п. В третьей части рассматривались вопросы стиля, давалось предупреждение о регулярных стилистических ошибках и варваризмах, указывались рекомендуемые обороты речи.

Латинские грамматисты при разборе частей речи привнесли в греческое учение малые изменения, выявившиеся в связи с явными несовпадениями латыни и древнегреческого. Сходство структур данных языков подтвердило мнение, исходя из которого грамматические категории (такие как части речи, падеж, число, время и т. д.), образованные древними греками, универсальны для языка вообще. Данное мнение сохранилось в трудах грамматистов средневековья.

Работы Доната (около 400 г. н. э.) и Присциана (около 500 г. н. э.) относятся к позднему периоду римского грамматического учения, в нем, так же как в александрийском периоде, господствовал классицизм. Грамматики Доната и Присциана, рассматриваемые как нормативные и употребляемые в качестве учебников по латыни в средневековье вплоть до XVII в., передавали язык Цицерона и Вергилия — классических авторов, но не современный язык, сохраняя тем самым «классическое заблуждение» в общем подходе к становлению языка.

Общепринято, что научное исследование языка в Европе стало формироваться лишь в XIX в. Данное утверждение верно, если слово «научный» понимать в современном смысле. На самом деле лишь в XIX в. языковые факты оказались предметом

пристального и непредвзятого рассмотрения, а научные гипотезы формировались на базе тщательно отобранных фактов. Стоит помнить, что подобное понимание науки появилось недавно. Спекулятивную грамматику схоластов наравне с грамматикой Пор-Рояля, основой которой являлись схоластические методы, можно назвать научной только в связи с тогдашними понятиями о том, что является подлинное знание. Размышления, указывающие на то, почему языковой строй обязан быть таким, каков он есть, основывались на методах, считавшихся универсальными и доказательными.

Несходство схоластического подхода к языку и подхода, благодаря которому в языкознании появилось весьма продуктивное сравнительно-историческое направление, заключается скорее в общей методологии (конец XVIII в.), нежели в более тщательном отношении к фактам языка, которое присуще компаративистам (это скорее результат сравнительно-исторического метода, чем его подоснова); обуславливается критическим отношением к априорным и логическим объяснениям — на их место приходят исторические обоснования.

Важную нишу в области лингвистических задач занимает вопрос о родстве языков, связанном с термином «языковая семья».

Два языка могут быть схожи по словарному составу или по грамматической структуре. Если, например, сопоставить английский и немецкий, то в общеупотребительном словаре данных языков мы отыщем много слов, схожих по форме и значению (например, *mother* — *Mutter* “мать”, *son* — *Sohn* “сын”, *brother* — *Bruder* “брат”, *have* — *haben* “иметь”, *must* — *muss* “должен”, *can* — *kann* “мочь”, *six* — *sechs* “шесть”, *seven* — *sieben* “семь” и т. п.). Гораздо меньше таких пар находится, когда сравнивают английский язык с русским, и еще меньше (без учета международной научной терминологии) при сравнении английского с турецким или китайским. Сходство словарного состава английского и немецкого языков подпитывает определенная идентичность грамматического строя. В этих языках существует несколько большее число общих грамматических черт, чем в английском и русском. А грамматику английского и турецкого или китайского языков почти ничего не связывает. Это объясняется тем, что английский и немецкий — близкородственные языки. Английский и русский состоят в более отдаленном родстве. Английский и турецкий, так же как английский и китайский, совсем не родственные [6, с. 71–72].

Упоминая такие случаи «родства» языков, лингвисты говорят об их историческом или генетическом родстве — происхождении от одного и того же языка. Данный факт выражается также через два или несколько языков, принадлежащих одной языковой семье. Практически все европейские и многие азиатские языки принадлежат к индоевропейской языковой семье. В ней есть много ветвей, или групп: германская (немецкий, английский, голландский, шведский и др.), славянская (русский, польский, чешский и др.), романская (языки, имеющие своим предком латынь, — французский, итальянский, испанский и др.), греческий, индоиранская (санскрит и его средневековые и современные потомки, персидский и др.), кельтская, которая включает в себя гельскую подгруппу (ирландский и шотландский), уэльский, бретонский и др.

И это еще не все имеющиеся группы, не говоря уже об отдельных языках. Но представленный список удовлетворителен для создания у читателя представления об обширном распространении индоевропейской семьи языков. Из числа других больших языковых семей выделим семитскую (иврит, арабский и др.), угро-финскую (финский, венгерский и др.), банту (суахили, кикуйю, зулу и др.), алтайскую, китайско-тибетскую (китайский, тибетский и др.), алгонкинскую (несколько языков американских индейцев) и пр.

Разработка методов и принципов, которые позволяют выявить эти и другие языковые семьи, а также — что наиболее значимо — формирование общей теории транс-

формации языка, взаимоотношений языков есть самые масштабные лингвистические достижения XIX в. В процессе исследования данного периода становления науки о языке, свойственных ему методов и целей мы используем термин «сравнительно-историческое языкознание». Данное название заменило термин XIX в. «сравнительная грамматика», но последний наравне с другими устаревшими терминами часто появляется в учебниках по общей лингвистике, в названиях отделений и кафедр университетов, а также в лингвистических курсах [1, с. 32–33].

Библиографический список

1. Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику. М.: Прогресс, 1978. 544 с.
2. Аристотель. Политика. Метафизика. Аналитика. М.: Эксмо, 2008. 960 с.
3. Радченко О.А. История лингвофилософской мысли. М.: Едиториал УРСС, 2005. 312 с.
4. Хомский Н. Язык и мышление: монография. М.: Изд-во Московского университета, 1972. 120 с.
5. Гашимов Э.А. Лингвокультура потребностного кода: монография. М.: Пирсон Эдьюкейшн Лимитед, 2009. 152 с.
6. Юрченко В.С. Философия языка и философия языкознания: лингвофилософские очерки. Л.: ЛКИ, 2008. 368 с.

*M.S. Balalaeva**

GENERAL LINGUISTIC CONCEPTION IN LANGUAGE RESEARCH. LINGUISTIC AND PHILOSOPHICAL ASPECT

The article is devoted to the questions of linguistics and philosophy of language. The author considers the principles of traditional linguistics and modern theoretical ideas. Considering some linguistic ideas and concepts presented in the work the author refers to the history of linguistics.

Key words: linguistics, language, philosophy of language, symbolism, philosophy, family of languages, comparative grammar.

* *Balalaeva Maria Sergeevna* (colibrilolita@mail.ru), the Dept. of Foreign Languages, Samara Branch of Moscow City Teachers' Training University, Samara, 443081, Russian Federation.